

народных масс западных губерний, а отчасти и самой Польши, позволило царскому правительству использовать оружие социальной и казенно-патриотической демагогии для подавления восстания.

Герцен в статьях «...А дело идет своим чередом», «Вывод из владения» (XVII, 232, 238—239)³² с болью намекает на эти причины успеха провокационных приказов Муравьева-Вешателя о конфискации в пользу крестьян земли дворян-повстанцев. И вместе с тем он не считает еще возможным для себя выступить с всесторонней исторической оценкой позиций руководителей восстания, принципиальных разногласий с ними — ввиду продолжающегося неравного боя. «Время не пришло, — горестно признается он в статье „Колокол“ и „День“ — червь не источил еще трупы мучеников и павших воинов, раны не закрылись настолько, чтобы можно было касаться к ним, кровь льется, как из ведра, — и в руках полиции, тушой и бесчеловечной, бездна дорогих людей» (XVII, 212)³³.

Время для многостороннего подведения итогов скоро наступит, и тогда — в статье «В вечность грядущему 1863 году» и в «Письме к Гарибальди»³⁴ — Герцен в полный голос скажет о гибельной роли, которую сыграла победа шляхетско-националистических «предрассудков» в руководстве восстанием (XVII, 294; XVIII, 28, 29).

24 декабря 1863 г. он напишет Е. В. Салиас де Турнемир: «Теперь, т. е. в декабре месяце, в Лемберге печатается ряд статей, в которых поляки говорят с полной ширью о необходимости признать русинскую народность и аутономию русинов. Теперь остатки народного правительства говорят положительно о разделе, т. е. о наделе землей крестьян. Вины ли мы, что это говорится в декабре 1863, а не в декабре 1862? Ведь мы этого требовали в октябре 62. Тогда ждали выручки от Европы — теперь, когда все мечты пали, они начинают говорить то, что мы говорили. Трагический элемент — трагическим, и будьте уверены, что нынешнее лето измучило нас, но ведь и объективной истине надобно отдать долю» (XXVII, 391).

Эта «объективная истина» была не менее ясна революционному крестьянскому демократу Герцену и в предшествующие месяцы. Но политический и глубоко человеческий такт не позволял высказать ее тогда до конца с журнальной трибуны. Вот что он писал М. А. Бакунину 1 сентября: «...Польское дело <...> не наше дело — хотя и правое относительно <...> Наш принцип социальный — а с чьей стороны социальные начала? Со стороны Демонтовича или петербургских сатрапов — отдающих крестьянам в надел помещичью землю? „Да нам нельзя же идти с Муравьевым“. Без сомнения, нельзя. Но можно иногда и эклипсироваться³⁵ и поработать в тиши» (XXVII, 372).

Решение «поработать в тиши» диктовалось и еще одним обстоятельством. С середины июля непосредственные отношения редактора «Колокола» с руководящими деятелями восстания весьма осложнились в результате серии провокаций агента III отделения Ю. Балашевича-Потоцкого, в частности фабрикация им подложных писем Герцена и к Герцену от Центрального национального комитета в Варшаве (последние содержали требование «удалить всех агентов Герцена», «прекратить» его «вмешательство в движение настоящей революции»)³⁶.

³² «Колокол», лл. 168 и 169 от 1 и 15 августа 1863 г.; см. также комментарии — XVII, 444, 445.

³³ «Колокол», л. 167 от 10 июля; эта декларация о сознательном отказе пока от беспристрастного и полного анализа повторена также в статье «„День“ и „Колокол“» в л. 168 от 1 августа (см. XVII, 228).

³⁴ Датированы 10 и 21 ноября 1863 г., опубликованы в «Колоколе», лл. 175 и 177 от 15 декабря 1863 и 15 января 1864 г.

³⁵ скрыться, исчезнуть — от франц. s'éclipser.

³⁶ См. статьи Герцена «Чистая ложь», «В вечность грядущему 1863 году», письмо его к Ю. Клячко от 9 июня 1863 г. и комментарии к ним (XVII, 258, 293, 455, 456; XXVII, 340, 341, 779, 780).